

**«И наш тихий Алексей Михайлович
тоже был мудрый царь»: особенности
самодержавного образа второго Романова
и поиски традиций истинной русскости
в последней трети XIX — начале XX в.**

В докладе рассматриваются черты образа царя Алексея Михайловича, сложившиеся в российском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. под влиянием трудов крупнейших историков, учебной литературы, а также исторической романистики, драматургии и живописи. В последнее десятилетие в российской науке отчетливо заметен интерес к исследованиям дореволюционных историографических направлений, попытка объяснить изменения в интерпретации различных эпох и событий в контексте не только идеологии, но и социально-культурных общественных настроений и типичных массовых клише. Национально-русское в последней трети XIX в., как показал Р. Уортман, отождествлялось с формами русской культуры эпохи правления Алексея Михайловича, поэтому интерпретация этого исторического времени (или того, что считали восходящим к периоду его правления) на рубеже столетий сегодня является важным предметом изучения. Идеализация самодержца, получившего наименование «Тишайшего», имела важное значение вследствие переосмысления монархического наследия и идеи государственной преемственности в период правления двух последних российских императоров. «Игра» в XVII век как в «самый русский» и при дворе, и в стереотипах массовой культуры обрела своеобразные проявления: исторические балы, мода на «русский стиль» в архитектуре и прикладном искусстве, интерес к отечественной этнографии и т. п. Стремление Николая II создать новый имидж православного самодержца также во многом опиралось на мифологизированное представление об одном из наиболее «популярных» монархов ро-

мановской династии. В центре внимания — вопрос о том, как конструируемый последними императорами образ русской власти и русского правителя соотносился с трактовками национально-русских традиций и со способами репрезентации русскости в массовой культуре. ■